

ўжо такія сухόцьце, што глядзэць страшна (Вялікая Палонка Дзятл.) [1, с. 272]; **Чарно́цце** н. груб. Загарэлы. Ну і чарно́цце ён у вас, бэгая цэлы дзень, шчарнёў на сόнцы (Чэхі Астр.) [1, с. 320].

Такім чынам, даследаваны матэрыял паказаў, што «выбар і ўжыванне суб'ектам лексічных адзінак са значэннем становаўчай або адмоўнай ацэнкі залежыць ад неабходнасці ацаніць аб'ект і выказаць свае адносіны да яго, абапіраючыся на нормы, стандарты і погляды, выпрацаваныя і агульнапрынятыя ў грамадстве» [2, с. 10], што асабліва ярка праяўляецца пры аналізе семантычнага аспекту беларускай дыялектнай лексікі з канатацыйным значэннем.

Спіс скарачэнняў назваў раёнаў

Астр. – Астравецкі, Ашм. – Ашмянскі, Бераст. – Бераставіцкі, Ваўк. – Ваўкавыскі, Вор. – Воранаўскі, Гарадз. – Гарадзенскі, Дзятл. – Дзятлаўскі, Зэльв. – Зэльвенскі, Іўеўск. – Іўеўскі, Кар. – Карэліцкі, Лід. – Лідскі, Маст. – Мастоўскі, Навагр. – Наваградскі, Свісл. – Свіслацкі, Слон. – Слоніміскі, Сморг. – Сморгонскі, Шчуч. – Шчучынскі.

Бібліяграфічны спіс

1. Сцяшковіч, Т. Слоўнік Гродзенскай вобласці / Т. П. Сцяшковіч; рэд. і прадм. Н. Кахан. – 2-е выд., выпраўленае. – Смаленск: Інбелкульт, 2018. – 400 с.
2. Урбан, В. В. Катэгорыя ацэнкі ў беларускай дыялектнай мове (на матэрыяле субстантываў-характарыстык асобы): дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.01 / В. В. Урбан; Мінск, 2002. – 123 п.

ПОНЯТИЙНОЕ СОДЕРЖАНИЕ СТРАСТИ В ПОЭЗИИ В. БРЮСОВА И Б. ПАСТЕРНАКА

А. Н. Федоринчик (Минск, Беларусь)

В статье рассматривается понятийное содержание *страсти* в поэзии В. Брюсова и Б. Пастернака, анализируются понятийные признаки *страсти* как эмоции, содержащей оценочные и ценностные коннотации, отмечается продуктивность представления в поэтических текстах В. Брюсова и Б. Пастернака понятийных признаков, раскрывающих эмоциональное состояние героя, причину *страсти*, *страсть* как причину определенного действия и состояния, подчеркивается значимость понятийного содержания *страсти* в осмыслении специфики мира эмоций в поэзии В. Брюсова и Б. Пастернака.

Ключевые слова: поэтическая картина мира; феномен «человек эмоциональный»; эмоции; страсть; понятийные признаки; понятийное содержание.

Исследованию *страсти* посвящены работы многих ученых. Ю. Д. Апресян пишет, что «эмоции отличаются друг от друга по признакам интенсивности и глубины переживания. <...> *страсть* интенсивнее, чем *любовь* <...>. С другой стороны, <...> *любовь* глубже, чем *страсть* <...>» [1, с. 54]. С. В. Валиулина, анализируя средства репрезентации эмоции *страсть* как фрагмента языковой картины мира (далее – ЯКМ), относит ее «к устойчивым сильным эмоциям» [6, с. 10].

Значима *страсть* и в реализации феномена «человек эмоциональный» в поэтической картине мира В. Брюсова и Б. Пастернака. В. М. Жирмунский констатирует: «особое значение в поэзии Брюсова имеют образы страсти, Брюсов по преимуществу – поэт страсти» [7, с. 206]. Д. Е. Максимов отмечает, что В. Брюсов проповедовал культ *страсти* [8, с. 91]. О специфике поэтического творчества Б. Пастернака Ю. М. Брюханова пишет: «В воззрениях Пастернака наблюдается двойственная оппозиция бытия: действительный мир – преображенная силой действительность <...>. Сила – это условие реализации жизненного потенциала, как и воля у Шопенгауэра, но у Пастернака сила связана с творчеством, и в первую очередь с поэзией» [5, с. 25]. Олицетворением такой преобразующей силы в поэзии Б. Пастернака является *страсть*.

Цель статьи – рассмотреть понятийное содержание *страсти* в поэзии В. Брюсова и Б. Пастернака как базового наполнения авторских реализаций эмоции. Материалом исследования послужили поэтические тексты академических собраний сочинений В. Брюсова и Б. Пастернака [2, 3, 9, 10].

В поэзии В. Брюсова и Б. Пастернака понятийное содержание эмоции *страсти* активно представлено признаками, которые содержат оценочные и ценностные коннотации. В основе понятийных признаков лежит эмоциональное понятие, которое в статье рассматривается как представление о ком-либо или о чем-либо. Доступ к эмоциональному понятию дают значения лексем-репрезентантов *страсти*, поэтому понятийные признаки определяются через анализ словарных дефиниций ключевых лексем-репрезентантов эмоции в сравнительном аспекте с поэтическими концептуализациями.

Понятийные признаки *страсти* в поэзии В. Брюсова и Б. Пастернака представлены широко.

Понятийный признак «страсть как эмоциональное состояние героя» реализуется у поэтов через значение ‘сильная, безудержная любовь с преобладанием чувственного влечения’ [11, с. 1001]. Так, у В. Брюсова указанный признак манифестируется в текстах, где лексемы *страсть*, *страстно* содержат семный конкретизатор ‘большая степень эмоции’, объединены интегральной семей (И-семой) ‘состояние эмоции’, а также различаются дифференциальными семами (Д-семами) ‘тайна’: *Но как молчать, любовь тая, о дорогая, страсть тая?* [2, с. 340], ‘преданность’: *Идут года. Но с прежней страстью, Как мальчик, я дышать готов Любви неотвратимой властью И властью огненных стихов* [2, с. 11], ‘любовное возбуждение’: *И деву страстно полюбил* [2, с. 347].

В стихотворении Б. Пастернака «Марбург» данный признак раскрывается через разочарование и страдания героя, которые переданы глаголами, имеющими И-семы ‘физическое состояние лирического героя’ (*вздрагивать*, *трястись*), ‘огонь’ (*загораться*, *гаснуть*), ‘состояние эмоции’ (*сдрейфил*), Д-семы ‘внезапно задрожать’ (*вздрагивать*), ‘сдрогаются телом’ (*трястись*),

‘начать наполняться возбуждением’ (*загораться*), ‘успокаиваться’ (*гаснуть*), ‘отступать перед трудностями’, ‘находиться в состоянии страха’ (*сдрейфил*): *Я вздрагивал. Я загорался и гас. Я трясся. Я сделал ей предложение, – Но поздно, я сдрейфил, и вот мне – отказ. Как жаль ее слез! Я святого блаженной* [9, с. 110].

Примечательно, что в текстах В. Брюсова наблюдаются оппозиции «страсть // бесстрашие» и «страсть // любовь», которые отражают **понятийные признаки «страсть // бесстрашие как эмоциональное состояние героя», «страсть // любовь как эмоциональное состояние героя»**. Оппозиция «страсть // бесстрашие», эксплицирующая идею действительного (страстного) и недействительного (бесстрастного) в жизни, отражена в текстах, где *страсть* представляет мир природы: *Туман, бесстрастен и суров, Над далью нив распространится* [2, с. 99], мир человека: *А Некто темный, Некто властный, Событий нити ухватив, С улыбкой дьявольски-бесстрастной Длит обескрыленный порыв* [2, с. 233], предметный мир: *Вам – мой привет, бесстрастные часы* [2, с. 63]. Оппозиция «страсть // любовь» манифестирована в текстах: *Но любим мы полней и выше, Чем даже страсти легкий стон* [3, с. 279]; *Любовь и страсть – несовместимы* [3, с. 483]. Противопоставление эмоций подтверждается суждениями В. Брюсова: «любовь – чувство в ряду других чувств, возвышенных и низких, сестра ненависти и дружбы, чувства чести и властолюбия. Страсть не знает своего родословия, у нее нет подобных. Любовь – это местная, земная достопримечательность, это – ассигнация, имеющая свою определенную, но все же условную между людьми ценность. <...> Страсть всегда говорит к нам иносказаниями. Всегда должна маскироваться. Мы знаем страсть в личинах любви, в личине инстинкта деторождения, но мы не видим ее истинного лица. Подсмотреть его есть надежда только в минуты перемены маск» [4, с. 117–119].

Понятийный признак «переживание страсти с указанием и без указания ее причины» активно эксплицирован у обоих поэтов через значение ‘сильная, безудержная любовь с преобладанием чувственного влечения’ [11, с. 1001]. Например, в поэзии В. Брюсова страстное влечение раскрывается через действия: *Эти губки слишком красны: Ах! пока угрюмо-страстный Не сжимал их поцелуй!* [2, с. 169], через ощущение счастья и страдания: *Опять безжалостные руки Меня во мраке оплели. Опять на счастье и на муки меня мгновенья обрекли* [2, с. 38], через восхищение и душевные муки: *И женщина, во тьме лицо клоня, Усмешкой искаженное страдальной, Смотрела долго, долго на меня, Припоминая наш восторг минутный* [2, с. 15]. У поэта «орудием страсти является «тело» [7, с. 207]: *Что там? Свежителная мгла Теперь каким признаньям внемлет, Какие радости объемлет, Лаская страстные тела?* [3, с. 443]. Сила страсти раскрывается в стихотворении «В игорном доме» через сочетания буйство чувственное и огонь искусственный, которые содержат Д-сему ‘неудержимая

чувственность', актуализируются семным конкретизатором 'большая степень эмоции': *Нет, не найти им в буйстве чувственном, В вине и страсти, где врата. И только здесь, в огне искусственном, Жива бессмертная Мечта!* [2, с. 58], а также усиливается наречием *страстно*, содержащим семный конкретизатор 'экспрессивность эмоции': *И страстно солнца жду, что лик свой долго прячет* [3, с. 515].

В поэзии Б. Пастернака данный признак представлен в контекстах: *Один ли Ты, с одною страстью, Бессмертный, крепкий дух, Надмирный, принимал участие В творенье двух и двух?* [10, с. 223]; *Как я трогал тебя! Даже губ моих медью Трогал так, как трагедией трогают зал. Поцелуй был как лето. Он медлил и медлил, Лишь потом разражалась гроза* [9, с. 210]. Глагольные повторы (*трогал тебя, трогал так, как трагедией трогают зал; медлил и медлил*) актуализируют силу чувственного влечения, а кульминация чувств раскрывается через образ природной стихии (*разражалась гроза*). Звукопись (сквозные согласные [т, р]) передает ощущение напряжения, нарастающие отношения, обнаженность *страсти* эксплицируются и в других текстах: *И затылок с рукою в руке у него, А другую назад заломила, где лег, Где застрял, где повис ее шлем теневой, Разрывая кусты на себе, как силок* [9, с. 167]; *«Шагни, и еще раз», – твердил мне инстинкт И вел меня мудро, как старый схоластик, Через девственный, непроходимый тростник Нагретых деревьев, сирени и страсти* [9, с. 110].

Для В. Брюсова *страсть* – это тайна. Поэт пишет: «Страсть в самой своей сущности загадка; корни ее за миром людей, вне земного, нашего. <...> Страсть – та точка, где земной мир прикасается к иным бытиям, всегда закрытая, но дверь в них» [4, с. 117]. Она воспринимается как: а) тайная радость (И-сема – 'ощущение эмоции', Д-сема – 'душевное удовлетворение'): *Луна стоит. Луна ее зовет В холодные, в свободные пространства... В окно струится свет, и свет поет О тайной радости непостоянства...* [2, с. 14]; б) таинство (сакрализация *страсти*, И-сема – 'действие', Д-сема – 'обряд'): *Струи священного вина Пьянили мысль, дразня желанья, И словно в диком вихре сна, Сверхались таинства лобзанья* [3, с. 291]; в) тайна поцелуев (романтизация *страсти*, И-сема – 'мировосприятие', Д-сема – 'возвышенность чувств'): *Моих властителей желанья Я сладострастно утомлю, И всеми тайнами лобзанья И дивной негой утолю!* [3, с. 441].

В текстах обоих авторов реализовано значение 'воодушевление, горячность в отношении к чему-либо; душевный подъем, пыл' [11, с. 1001], отражающее **понятийный признак «качественные характеристики страсти»**: *Тот плащ, тебе сокрывший зыбко плечи, Сны отрешает от страстей людских* [3, с. 87]; *Напрасно в дни великого совета, Где высшей страсти отданы места, Оставлена вакансия поэта: Она опасна, если не пуста* [9, с. 212].

В лирике поэтов представлено значение 'сильное влечение к чему-либо, пристрастие к какому-либо делу, занятию' [11, с. 1001], которое раскрывает **понятийный признак «страсть как причина действия // состояния»**:

Сибарис наш от страсти? Стал чуждаться он Всех арен. Солнца страшась и пыли [3, с. 513]; *В те дни на всех припала страсть К рассказам, и зима ночами Не уставала вшами прясть* [9, с. 252–253]. Помимо этого, значение 'страх, ужас' [11, с. 1002] у Б. Пастернака отражает **понятийный признак «переживание страсти через другие эмоции»**: *Опять к обеду на прогулке Наступит темень, просто страсть. Опять научит переулки Охулки на руки не класть* [10, с. 52].

У обоих авторов реализуется **понятийный признак «исчезновение страсти»**: *Где Элоиза, всех мудрей, Та, за кого был дерзновенный Пьер Абеляр лишен страстей И сам ушел в приют священный?* [6, с. 349]; *Окна сцены мне делают. Бесцельно ведь! Рвется с петель дверь, целовав Лед ее локтей* [9, с. 162]. Кроме того, в поэзии В. Брюсова представлены **понятийные признаки «повторяемость страсти»**: *В тех далях я узнаю вновь И страсть, и гореть, и любовь* [2, с. 9] и **«желанность страсти»**: *Ты двойной предаваться жаждешь страсти* [2, с. 328].

В поэзии В. Брюсова *страсть* предстает и как телеономное, и как эстетическое чувство: *Они поймут мой голос не случайный, Мой страстный вздох, домчавшийся с земли!* [2, с. 98]; *Там скорбь и страсть, как здесь, и даже Там та же мировая спесь* [3, с. 172]; *Страстным вопросам ответа Нет в этом мире нигде!* [3, с. 317]. Эстетичность *страсти* проявляется в музыкальном восприятии: *Вечерней флейты страстный трепет* [3, с. 117]; *Что ты во мгле упорно теплишь светлы, Что в музыке, сроднившей племена, Ты – страстная, поющая струна!* [3, с. 347].

Вышеизложенное свидетельствует о богатстве реализаций понятийного содержания *страсти* в поэтических текстах В. Брюсова и Б. Пастернака. В произведениях обоих авторов *страсть* осмысливается, прежде всего, как межличностное чувство. Продуктивно представлены понятийные признаки, раскрывающие эмоциональное состояние героя, причину эмоции, эмоцию как причину определенного действия и состояния. *Страсть* выступает как проявление определенной силы (у Б. Пастернака *страсть* – это сила, преобразующая мир, а у В. Брюсова – это активная действующая сила). Таким образом, понятийное содержание *страсти* – ключ к осмыслению специфики мира эмоций в поэзии В. Брюсова и Б. Пастернака.

Библиографический список

1. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания Ю. Д. Апресян // Избр. тр. : в 2 т. – М., 1995. – Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. – С. 348–388.
2. Брюсов, В. Собрание сочинений : в 7 т. / В. Брюсов ; под общ. ред. П. Г. Антокольского [и др.] ; вступ. ст. П. Г. Антокольского. – М. : Художеств. лит., 1973–1975. – Т. 2 : Стихотворения, 1909–1917 / подгот. текстов и примеч. А. А. Козловского. – 1973. – 494 с.
3. Брюсов, В. Собрание сочинений : в 7 т. / В. Брюсов ; под общ. ред. П. Г. Антокольского [и др.] ; вступ. ст. П. Г. Антокольского. – М. : Художеств. лит., 1973–

1975. – Т. 3 : Стихотворения 1918–1924 ; Поэма «Египетские ночи» и стихотворения, не включавшиеся В. Я. Брюсовым в сборники 1891–1924 / подгот. текстов и примеч. М. В. Васильева [и др.]. – 1974. – 694 с.
4. Брюсов, В. Страсть / В. Брюсов // Среди стихов, 1894–1924 : манифесты, ст., рец. / В. Брюсов. – М., 1990. – С. 114–119.
  5. Брюханова, Ю. М. Творчество Бориса Пастернака как художественная версия философии жизни / Ю. М. Брюханова. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. – 209 с.
  6. Валиулина, С. В. Средства репрезентации эмоции «страсть» как фрагмента русской языковой картины мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. В. Валиулина ; Иркут. гос. пед. ун-т. – Улан-Удэ, 2006. – 19 с.
  7. Жирмунский, В. Валерий Брюсов и наследие Пушкина / В. Жирмунский // Поэтика русской поэзии / В. Жирмунский ; сост., предисл., В. В. Жирмунской-Аствацатуровой. – СПб., 2001. – С. 198–281.
  8. Максимов, Д. Е. Брюсов: поэзия и позиция / Д. Е. Максимов. – Л. : Совет. писатель, 1969. – 240 с.
  9. Пастернак, Б. Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. / Б. Л. Пастернак ; гл. ред. Д. В. Тевеклян ; предисл. Л. С. Флейшмана. – М. : Слово / Slovo, 2003–2005. – Т. 1 : Стихотворения и поэмы, 1912–1931 / сост. и коммент. Е. Б. Пастернака, Е. В. Пастернак. – 2003. – 573 с.
  10. Пастернак, Б. Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. / Б. Л. Пастернак ; гл. ред. Д. В. Тевеклян ; предисл. Л. С. Флейшмана. – М. : Слово / Slovo, 2003–2005. – Т. 2 : Спекторский : роман в стихах ; Стихотворения, 1930–1959 / сост. и коммент. Е. Б. Пастернака, Е. В. Пастернак. – 2004. – 525 с.
  11. Словарь современного русского литературного языка : [в 17 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; гл. ред.: В. И. Чернышев (гл. ред.) [и др.]. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1965. – Т. 14. – 1963. – 1390 стб.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ

Н. П. Цикото (Минск, Беларусь)

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме формирования иноязычной коммуникативной компетентности студентов. Рассматриваются основные цели коммуникативного подхода в процессе обучения иностранному языку. Приводятся примеры использования нескольких инновационных интерактивных методов, которые способствуют более эффективному формированию иноязычной коммуникативной компетентности.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность; коммуникативный метод; интерактивные задания; иностранный язык.

В настоящий момент общество характеризуется усилением социальной мобильности, развитием культурной глобализации, а, следовательно, возрастает необходимость подготовки специалистов, профессионализм которых напрямую зависит от уровня и качества иноязычной коммуникативной компетентности, готовых вступить в профессионально-деловое общение